

ПРИЗРАК В МУНДИРЕ

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Иллюстрация на обложке
Владимира Нартова

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Призрак в мундире / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.— (Личный отряд Берии. Романы о неизвестных операциях НКВД).

ISBN 978-5-04-225935-7

Апрель 1943 года. При нападении советских разведчиков на немецкую штабную колонну исчез портфель с важными документами вермахта. Куда он делся, может знать выживший в том бою германский унтер-офицер, которого в свое время завербовала наша контрразведка. Приметы унтера неизвестны, но, по достоверным данным, он находится в тюрьме гестапо по подозрению в измене. Группе майора Максима Шелестова приказано любым способом освободить немца и выяснить у него, где портфель. Бойцам Шелестова не привыкать к нелегким заданиям. Но на этот раз дело осложняется тем, что никто из них не знает этого унтер-офицера в лицо...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А.А., 2019

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-225935-7

ГЛАВА 1

Февральская метель разыгралась не на шутку. Открытые участки шоссе заметало так, что не было видно дороги. Но здесь, где к шоссе Рославль — Брянск подступали леса, дорога оставалась относительно чистой. Разведгруппа старшего лейтенанта Иванникова заняла позиции вдоль шоссе, подготовив еще ночью бревенчатые настилы, по которым можно быстро преодолеть глубокие сугробы возле обочины шоссе. В этом месте дорога изгибалась под углом почти девяносто градусов, и Иванников решил атаковать колонну немцев с двух сторон. Двое бойцов, выдвинутых далеко вперед, подорвут головную машину. Судя по полученным сведениям, впереди будет ехать средний бронетранспортер с установленным на нем пулеметом и шестью солдатами внутри. Затем пойдет грузовик с хозяйственным грузом для штаба, легковой «Мерседес», в котором будет находиться адъютант командую-

шего группой армий «Центр», и замыкать колонну будет машина с солдатами охраны.

Атаковать легковушку под носом двух десятков автоматчиков опасно и глупо. Они сразу покинут машину, займут оборону на дороге и откроют шквальный огонь. Кроме того, у немецкой пехоты на отделение полагается один ручной пулемет. Значит, всего в колонне три пулемета. Необходимо уничтожить колонну, захватить документы, которые везет адъютант командующего, и доставить их в партизанский отряд, куда следующей ночью прибудет для эвакуации документов легкий самолет «У-2». Разведгруппа состояла из восьми человек, опытных бойцов из частей НКВД. Они с лета 1941 года сражались с немецкими диверсантами и сами выполняли боевые задачи в немецком тылу. Девятым в группе был проводник из партизанского отряда Никифор Артемьевич Бочагов — невысокий мужичок из колхозных бригадиров. Щуплый, но жилистый, привычный к тяжелой крестьянской работе. В партизанах два года, леса и окрестные села знает хорошо. Умеет и на лыжах ходить, и машину водить, и трактор. Но вот в военном деле знаток слабый.

Место, которое хотел найти Иванников и которое он описал проводнику, тот подыскал сразу.

И от населенных пунктов, и от гарнизонов далековато, и два больших изгиба дороги, почитай, в общей сложности на километр. Колонна вышла с аэродрома в Рославле еще вчера. Там-то подпольщики и сосчитали количество машин и солдат. Иванников ждал колонну этим же вечером, но из-за метели немцы заночевали в Пеклино. Три ночи бойцы провели в лесу, готовясь к бою. В первую ночь, когда в Рославле еще только ждали приземления самолета, на котором летел адъютант генерал-фельдмаршала Гюнтера фон Клюге, Иванников распорядился установить на дороге радиоуправляемый фугас. Опыт подсказывал, в каком порядке пойдут машины. И в любом случае машина с солдатами охраны, которые представляют наибольшую опасность, пойдет замыкающей. Вот ее и надо было надежно отсечь и уничтожить.

Ночью на дороге устроили небольшой взрыв. Это мероприятие не представляло для группы большой опасности. Приказом по немецким частям и гарнизонам строжайше запрещалось передвижение по дорогам с 18 часов до 8 утра. За исключением плановой переброски войск. В воронку бойцы уложили взрывчатку, установили радиовзрыватель, засыпали землей и утрамбова-

ли снегом. А теперь еще и метелью занесло все следы установки фугаса. Двоих бойцов Иванников отправил вперед и определил им ориентиры. После взрыва фугаса на дороге эти бойцы должны будут двумя гранатами РПГ-40 уничтожить бронетранспортер. Один боец, самый сильный в группе, старшина Почаев, должен будет с расстояния в 20 метров метнуть гранату весом 1,2 кг на капот бронетранспортера, чтобы гарантированно его уничтожить. Второй гранатой он должен был попасть на щитки корпуса бронетранспортера, защищавшие его сверху от попадания гранат. Щитки спасали экипаж от противопехотных гранат, противотанковая же должна была вывести из строя экипаж и пулеметчика. Все, в том числе и Почаев, понимали, что сделать второй бросок у него шансов очень мало.

Группа заняла позиции — по три человека с двух сторон дороги. Но сейчас Иванников лежал один, ожидая, когда двое его бойцов, отправленные на трофейном мотоцикле и в трофейной немецкой форме в разведку, вернутся с нужными командиру сведениями. Люди начали замерзать. Без горячего питания, пролежав несколько часов в снегу, они старались согреться, почти не двигаясь. Только напрягая и расслабляя мышцы.

Белесая мгла застилала все вокруг, напряжение нервов нарастало. И вот вдали раздался треск мотоциклетного двигателя. Командир привстал на одно колено, поправляя капюшон белого маскировочного костюма. Звук нарастал справа, со стороны Рославля. И через пару минут на дороге показался весь белый от налипшего снега мотоцикл с коляской.

Двое бойцов в немецкой форме с ходу загнали мотоцикл за сугроб и отвалили в сторону щит из сплетенных прутьев. Гора снега завалила почти всю машину. Подбежавший к Иванникову разведчик упал рядом в снег и лежа стал натягивать маскировочный костюм.

— Плохо, командир! Они соединились с другой колонной и идут вместе! Минут через десять будут здесь...

— Сколько? Быстро! — приказал Иванников.

Решение нужно принимать быстро. Приказ должен быть выполнен любой ценой! Что-то еще можно поменять, переставить силы. Если колонна с адъютантом войдет в Брянск, то документы уже будет не добыть. Они попадут в сейф командующего. Только сейчас и только здесь.

— Три грузовика и бронетранспортер, — ответил разведчик. — «Броник» тянет один грузовик

на буксире. Машины перегружены, видно, как тяжело идут. И еще одна легковушка добавилась. Но не генеральская. Просто какая-то штабная «шаланда».

— С грузом, с солдатами? — нетерпеливо перебил Иванников. Сейчас этот вопрос был самым важным.

— Скорее всего с грузом. Тент по бокам у машин выпирает. Если солдаты и есть, то немного. Охрана сопровождения груза. Думается, тыловой обоз идет. Они к нужной нам колонне пристроились сзади.

— Плохо! — проворчал Иванников. — Аккурат попадем под пулемет второго бронетранспортера. Вот что, Петро! Дуй вперед, возьми вторую РПГ и занимай позицию на двадцать метров правее меня. Заглушишь второй бронетранспортер.

— Есть, — отозвался разведчик и, вскочив, быстро побежал, падая и поднимаясь, по рыхлому снегу.

Командир повернул голову и подозвал к себе партизанского проводника. Бочагов довольно ловко и умело пополз между деревьями и кустами. Иванников усмехнулся. Дисциплинированный боец, ничего не скажешь. Сейчас нет необходимости ползать, а он выполняет последний приказ.

Когда бывший колхозный бригадир добрался до командира, тот приказал:

— Вот что, Никифор! Времени рассусоливать нет. Твой отряд на помощь звать нет времени. Колонна на подходе, и она больше, чем мы рассчитывали. Да и от отряда твоего мало что осталось, после последних боев рассредоточились по лесам, кто жив остался. Так что надежда у меня на тебя, как на представителя партизан, как на всех партизан, что поднялись на борьбу с фашистом вместе с Красной армией! Не хотел я тебя в бой посылать, но иного выхода нет.

— Ты, командир, не сомневайся, я сделаю все, что надо, — заверил Бочагов. — Приказывай. Одна у нас судьба теперь, у всего народа одна, и от каждого зависит день освобождения.

— Слушай и запоминай. Ты смотришь только на меня. Делаешь все как я. Я вскочил на ноги, и ты быстренько поднимаешься, я вперед, и ты за мной. Больше чем на два шага не отставай. Стреляй, если враг перед тобой, убивай, но главная твоя задача — добраться со мной до генеральской машины. Там я тебе документы передам, и тут наступит самый главный момент в твоей жизни. Ты этот портфель должен передать в отряд. Там знают, что с ним делать и как переправить на Большую землю.

Ни на что внимания не обращай. Про нас забудь, мы прикроем тебя, ты только к своим рвись, грызи зубами, убивай, хоронись, когда надо, но доберись, спаси портфель. Понял меня, боец?

— Понял, как не понять, — кивнул Бочагов, и лицо его стало мрачнее ночи. — Виноват, командир. Есть: принять портфель с документами и доставить в отряд!

— Вот так, — облегченно вздохнул командир. — Теперь все остальное не важно. Теперь мы приказ выполним.

Из-за поворота показалась колонна, и Иванников поудобнее взялся за свой автомат. Несмотря на большой вес и высокую скорострельность, из-за которой патроны быстро заканчиваются, группа все же была вооружена автоматами ППШ. Только это оружие позволяло за короткий промежуток времени обрушить на врага шквал пуль, создать подавляющее огневое превосходство. И каждый боец нес с собой по шесть дисков для автомата и по две противопехотные гранаты. Две противотанковые гранаты у каждого бойца составляли единственное противотанковое вооружение группы. Теперь рассчитывать приходилось лишь на гранаты, боевое мастерство бойцов НКВД и хорошо спланированную операцию. К сожалению,

случайность, от которой никто не застрахован, внесла свои коррективы. Но первейший закон войны, первейший закон армии гласит, что военнослужащий должен выполнить приказ любой ценой. Иначе в армии и на войне нельзя. Командир, отдавший приказ, должен быть уверен, что подчиненный выполнит его, даже если придется для этого умереть. Такая вот работа.

Колонна шла в том порядке, о котором доложил разведчик. «Хотя бы это хорошо», — подумал старший лейтенант, держа палец на кнопке передатчика, который должен передать сигнал радиовзрывателю. Еще минута. Медленно ползет техника. Настороженность немцев чувствуется, внимательно смотрят по сторонам водители и сидящие с ними рядом младшие командиры. Замерли пулеметчики, прижав приклады к плечу в обоих бронетранспортерах. Настороженные, но эта настороженность уже вошла в привычку. А значит, нападение все же будет неожиданным. Фактор неожиданности очень нужен группе. Нужно всего несколько секунд растерянности врага от неожиданной атаки, и нужна согласованность действий всех бойцов разведгруппы.

Начали! Палец надавил на кнопку, и прямо под капотом грузовика с солдатами взметнулся столб

снега и черной земли, в котором отсветами мелькнуло яркое пламя. Грохот разорвал тишину сонного февральского леса. И тут же ударили ППШ. Пули били по кабинам, прошивали мерзлый тент, вдребезги разлеталось стекло, со скрежетом пули прошивали металл. Грузовик подбросило, и он загорелся, встав почти поперек дороги. Из кузова стали прыгать оглушенные солдаты и разбежаться по сторонам. Кто-то падал под пулями, кто-то сам ложился, озираясь и ища цели.

Грохнул второй взрыв. Иванников с удовлетворением увидел, как полыхнул пламенем капот головного бронетранспортера. Машина прокатилась еще пару метров и остановилась, отчаянно дымя. Из леса через этот дым выскочил боец, не обращая внимания на огонь, вырывавшийся из двигателя, вскочил на капот и дал несколько очередей внутрь броневи́ка. Прыгнув вниз, он поспешно снял с турели пулемет и потащил его к заднему борту.

— Прикрой! — крикнул Иванников бойцу, который оставался с ним рядом и вел прицельный огонь по грузовикам. — Я пошел!

Командир вскочил и, низко пригибаясь, побежал через замаскированный бревенчатый настил к дороге. Легковой автомобиль был цел. По нему

дали с двух сторон несколько очередей, целясь на уровне голов. Кого эти пули не зацепили, должны были выскочить наружу и искать укрытие, но из машины никто не выбегал. Пули свистели совсем рядом и взметали снег у самых ног. Был слышен топот ног бежавшего следом партизана. Вот и машина. Через заметенное снегом стекло Иванников видел контуры голов, но люди в машине не двигались. Старший лейтенант рванул дверь за ручку на себя и тут же отпрянул в сторону, но выстрела не последовало.

Моложавый холеный адъютант с генеральскими погонами на шинели с меховым воротником был мертв. Его голова в фуражке с меховыми наушниками безжизненно свесилась набок, а глаза уставились вперед, и в них затаились удивление и боль. Дырочка от пули виднелась на шинели как раз на уровне сердца. Сидевший рядом полковник вермахта выглядел не так эстетично. Ему автоматная пуля снесла половину головы, и салон, стекло за его спиной были забрызганы кровью и серым мозговым веществом. Водителя в машине не было. Иванников выругался, схватив пальцами цепочку на руке мертвого адъютанта. Она предназначалась для пристегивания к руке портфеля с секретными документами. Замок расстегнут, портфель пропал!

Иванников быстро осмотрел салон машины. Несколько пуль пробили металл, еще одна разбила стекло возле его плеча. Маленький блестящий ключ от замка цепочки валялся на полу возле ноги убитого адъютанта. Командир стиснул зубы. Все напрасно! Как, как это произошло? Может, кто-то из ребят с другой стороны дороги подобрался к машине и забрал портфель? Их было двое, тех, кто должен подорвать бронетранспортер и отсечь от легковушки охрану. Подняв голову, командир увидел, что пулемет из кузова головного бронетранспортера не стреляет. Он торчит на турели, беспомощно задрав ствол в небо, и рядом с борта машины свисает рука в белом рукаве маскировочного халата. Рукав пропитан кровью, и кровь капает на белый снег шоссе. Второй боец головной группы лежал на спине, широко раскинув руки и ноги на краю дороги, сраженный пулей. За спиной, там, где располагался хвост колонны, стрельба не прекращалась, ухали взрывы гранат. Решение было одно. Иванников упал на снег и за руку подтащил к себе проводника.

— Никифор, уходи!

— Да как же я, товарищ командир, — начал было возмущаться Бочагов, но Иванников перебил его:

— Выполняй приказ! — крикнул старший лейтенант. — Приказываю, любой ценой добраться до отряда, выжить и добраться. И доложить, что документов в машине нет. Мы прикроем тебя как сможем, задержим фашистов. Главное, доложишь, что портфель кто-то успел забрать...

— Есть, — хмуро ответил Бочагов и пополз к краю дороги. Потом вскочил и одним броском преодолел расстояние до обочины. Партизан упал, скатился по снегу, вскочил и снова побежал, падая и спотыкаясь, прикрываясь деревьями. Пули били в стволы, сверху сыпались хвоя и мелкие ветки, но он добрался до своих лыж, сунул ноги в крепления и на миг замер, прислушиваясь. Бой на дороге грохотал вовсю. Вздохнув, партизан просунул кисти рук в петли лыжных палок и заскользил по рыхлому снегу глубже в лес.

Окна управления контрразведки 13-й армии выходили как раз на спортивный городок. Начальник управления Смерша стоял у окна, заложив руки за спину, и смотрел, как трое мужчин занимались физкультурой. Один уделял внимание силовым упражнениям, второй чисто гимнастическим, направленным на развитие гибкости. Третий, посматривая на наручные часы, больше занимался бегом.

— Какие они у вас разные, — заметил полковник Стрельчук. — Я говорю о характерах, пристрастиях, привычках. Или они заняты упражнениями в соответствии с вашим настоящим заданием? Специфика операции?

— Нет, они действительно все очень разные, — усмехнулся Шелестов. — Как и каждый из нас, живущих на этой земле.

Чтобы не выделяться, группа прибыла в Ливны одетая в военную форму. Все с капитанскими погонами стрелковых частей, и лишь Шелестов имел на плечах погоны майора. Какого рода будет задание, Шелестов не знал, но то, что их в таком авральном порядке самолетом из Москвы перебросили ближе к линии фронта, настораживало. Значит, ситуация такова, что группу не успели проинструктировать в Москве, значит, времени очень мало, и информация их ждет здесь. Причем из первых рук. Значит, не было смысла повторяться и начинать объяснения в Москве. Все это было очевидно. И даже полковник Стрельчук не имел информации о предстоящем задании, судя по его вялым попыткам узнать, к чему готовится группа и какие действия могут понадобиться с его стороны.

— Как обстановка в тылах фронта? — спросил Шелестов.

— Фрицы активизировались, — ответил Стрельчук и отошел от окна. — Едва успеваем вылавливать все новые и новые разведывательно-диверсионные группы. Удалось выйти и на «замороженную» агентуру, которую они оставили здесь при отступлении.

— Чего-то ждут, к чему-то готовятся?

— Они знают, что мы готовим операцию на Курско-Орловском выступе, мы знаем, что и они готовят что-то. Вот все и начали активный сбор сведений. Учитывая, что о прибытии вашей группы меня предупредили аж из Москвы, задание у вас серьезное. Так что, Максим Андреевич, простите, не знаю вашего звания, если что, обращайтесь непосредственно ко мне.

— Обращусь, — кивнул Шелестов. — В нашем деле скромность лишь помеха.

Группе было запрещено выходить в город. Для жилья оперативникам выделили комнату в полуразрушенной школе, которая оказалась внутри охраняемого периметра штаба армии. На обед ходили вместе с другими офицерами штаба в офицерскую столовую, в свободное время занимались физкультурой, единоборствами. Для стрельбы условий не было, поэтому тренировки с оружием

пришлось отложить. Шли вторые сутки вынужденного безделья.

Придирчиво осмотрев своих оперативников — хорошо ли каждый побрит, подшит ли у каждого чистый подворотничок на гимнастерке, не мятое ли обмундирование, хорошо ли начищены сапоги, — Шелестов кивнул:

— Все, пошли на обед.

Максим шел сзади, глядя на своих друзей. Буторин хмурый и молчаливый. Все время после их последней операции в Норвегии он ходит такой, весь в себе. Коган налегает на силовые упражнения и гимнастику. После ранения ноги, кажется, его что-то беспокоит, но Борис никогда не станет жаловаться и искать сочувствия, поблажек. Когда ему плохо или больно, он становится злым — на себя, на свою боль. А вот Миша Сосновский улыбается небу, апрельскому солнцу. И все ему нипочем. А ведь он из них самый опытный, он работал в заграничной разведке в Германии под прикрытием дипломатического паспорта. И что у Михаила в голове и на душе, никому в жизни не догадаться. Актер еще тот!

Большая часть офицеров уже пообедала, и в столовой было относительно пусто. Шелестов специально выбирал такое время для обеда, что-